

слѣднее время, въ нашей печати: законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія. Разумнымъ и цѣлесообразнымъ положеніе это остается только до тѣхъ поръ, пока не становится юридическимъ фетишемъ, предметомъ поклоненія, несомнѣстнаго съ критикой. Оно не устанавливаетъ неподвижной черты, которой не можетъ или не долженъ переступить законодатель; оно только напоминаетъ объ условіи, соблюденіе котораго не обязательно *всегда*, но желательно *большою частію*. Опытъ многихъ вѣковъ показалъ, что юридическія отношенія, сложившіяся подъ покровомъ закона, должны быть по возможности охраняемы отъ внезапныхъ, непредвидѣнныхъ перемѣнъ, что дѣйствительность или недѣйствительность сдѣлокъ, преступность или непроступность дѣяній обуславливается отчасти временемъ ихъ заключенія или совершенія. Отсюда, путемъ обобщенія, выведено было правило о дѣйствіи вновь издаваемыхъ законовъ лишь на будущее время — правило, и по существу своему, и по происхожденію несомнѣнно условное, подчиняющееся соображеніямъ справедливости и общественной пользы, а не управляющее ими. Изъ того, что въ большинствѣ случаевъ эти соображенія говорятъ противъ обратной силы закона, еще не слѣдуетъ, чтобы въ исключительныхъ случаяхъ они не говорили за нее, не требовали распространенія закона дальше обычнаго предѣла. Законодательная власть сохраняетъ за собою полное право опредѣлять, когда именно необходимо отступленіе отъ общаго правила. Новый уголовный законъ, если онъ снисходителнѣе прежняго, почти всегда получаетъ силу и по отношенію къ тѣмъ дѣяніямъ, которыя предшествовали его изданію. Устраняя или измѣняя то или другое правило, ограничивавшее свободу гражданскихъ сдѣлокъ — разрѣшая, на примѣръ, заключеніе ихъ на иностранную монету — законодатель можетъ подвести подъ дѣйствіе новаго закона и тѣ, совершенныя до изданія его, сдѣлки, въ которыхъ допущено было нарушеніе прежде существовавшаго правила. Столь же возможно, наоборотъ, и реактивное дѣйствіе вновь устанавливаемого ограниченія, если законодательная власть признаетъ его безусловно нужнымъ въ интересахъ государства. Представимъ себѣ, что прежній законъ допускалъ слишкомъ продолжительные (напр. столѣтніе) сроки земельной аренды, при которыхъ она была почти равносильна покупкѣ. Уменьшеніе этихъ сроковъ для будущихъ сдѣлокъ не скоро достигло бы своей цѣли, еслибы срокъ дѣйствія контрактовъ, уже заключенныхъ, остался неизмѣненнымъ. Вполнѣ правильнымъ разрѣшеніемъ вопроса представлялось бы, въ данномъ случаѣ, сообщеніе закону обратной силы, лишь бы только контрагенты были ограждены отъ невыгодныхъ послѣдствій неожиданной перемѣны, лишь бы только были опредѣлены основанія и порядокъ вознагражденія за досрочное прекращеніе